

“Наша задача — запустить процесс...”

(по материалам круглого стола “ГО в Беларуси: проблемы становления и развития”

Весной этого года в рамках белорусско-немецкого* проекта “Forming diversity and solidarity via activity-based civic education”, реализуемого Общественным объединением “Центр социальных инноваций” и Народной высшей школой Мариашпринг (Гёттинген, Германия), состоялся Круглый стол “Гражданское образование в Беларуси: проблемы становления и развития”.

Татьяна Пошевалова (ОО “Центр социальных инноваций”): Этот Круглый стол является не отдельным мероприятием, а вписан в определенную программу, которую Центр социальных инноваций (ЦСИ) и Агентство гуманитарных технологий (АГТ) начинают по реформированию гражданского образования в Беларуси.

Краткая предыстория того, что мы делаем. Идея проекта по изменению, или приспособлению, гражданского образования в Беларуси к текущим реалиям, появилась у нас со Светланой Мацкевич на семинаре, который проходил в рамках белорусско-немецкого проекта в прошлом году. Мы зафиксировали ряд несоответствий и противоречий в сфере гражданского образования. На этом же семинаре был поставлен вопрос о самоопределении субъектов гражданского образования и о его результативности в контексте исторически значимых событий в стране. После событий марта 2006 года в АГТ развернулась дискуссия: являются ли события марта 2006 года индикатором состояния гражданского образования в Беларуси. И, наконец, третий момент. Вращаясь по роду нашей деятельности среди различного рода государственных и негосударственных организаций, занимающихся образованием, мы обнаружили интересный факт, что есть множество сообществ, групп, которые работают по одной теме, решают общие задачи, но в упор друг друга не видят и даже иногда не подозревают о существовании друг друга. Есть организации, которые сотрудничают в рамках партнерской сети общественных организаций, занимающихся гражданским образованием (АГА), есть Белорусский Коллегиум, есть другие образовательные программы, и все они как-то существуют в параллельных мирах, не пересекаясь и не стыкуясь, но претендуют на решение одной задачи. И это тоже одна из причин, которая вызвала к жизни этот проект. Проект предполагалось начинать с такого крупного мероприятия, как оргдеятельностная игра (ОДИ) по гражданскому образованию в Гёттингене*. Но деятельность, которая задумана по реформированию гражданского образования, будет реализовываться

в Беларуси. И стартовым мероприятием по запуску проекта и ОДИ является данный Круглый стол.

Итак, цель Круглого стола — увидеть друг друга и поставить проблему гражданского образования. Нам предстоит услышать доклады Владимира Мацкевича, который представит нам проблематику гражданского образования в Беларуси, и Андрея Егорова. Далее представители различных течений и направлений смогут сделать свои краткие выступления, презентации, обзоры того, что делает их группа или их организация, чтобы мы с вами могли увидеть, стыкуются ли обозначенные проблемы с теми предложениями в гражданском образовании, которые на сегодня есть, и соответственно сделали выводы для дальнейшей работы.

Доклад Владимира Мацкевича

Я буду говорить скорее о топике и о координатах того содержания, которое, как я предполагаю, будет развиваться на игре в Гёттингене. Я представляю пять тезисов: четыре содержательных и один технический. Первый тезис связан с концептом, растяжкой понятий “подданный — гражданин”, второй завязан на понятии “идентичность”, третий тезис — “думать Беларусь”, про Беларусь и белорусскость, четвертый тезис про гражданское образование, а пятый — это схема сборки и метод сборки.

В первом тезисе речь идет об отношениях двух субъектов — государства и гражданина. Вторым элементом этого отношения я рисую функциональное место, которое в 17–20 веках занимает гражданин. В американской и французской революциях это место занимал подданный. Надо сказать, что подданный был и после, но я просто хочу зафиксировать момент появления. Тип отношений человека, занимающего это функциональное место, и государства задает три, как

* Практика писать слово “белорусский (-ая, -ие)” в русскоязычных текстах через “а”, как прилагательное, образованное от слова “Беларусь”, а не от “Белоруссия”, ведет свое начало от книги В.Мацкевича “Беларусь: вопреки очевидности” (Культурная политика, №0, 1994 год). В примечании к его же книге “Белорусская демократия: вопреки очевидности” (Минск, АГТ, 1996 год) такое написание специально оговаривалось. С тех пор многие авторы приняли такое написание как особую норму русского языка, распространенного в Беларуси. В продолжение этой практики известно радикальное предложение И.Бобкова принять для русского языка, распространенного в Беларуси белорусский вариант написания “русский язык” с одним “с”, по аналогии с белорусским написанием “белорусская мова”.

** Подробную информацию об ОДИ в Гёттингене см. на www.worvik.com.

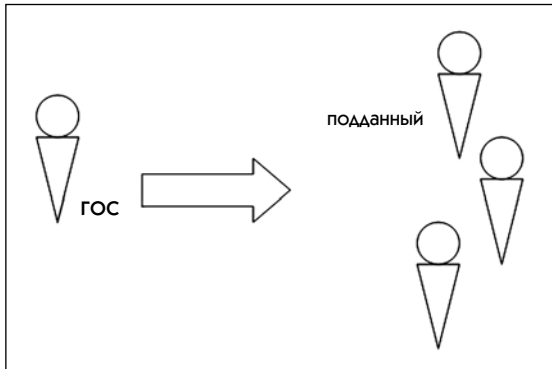

Рисунок 1. Отношения "государство — подданный"

мне кажется, возможности, которые будут определять и разворачивать ход нашей игры. Первое отношение называется подданный. Что такое подданный? Это отношение между государством и функциональным местом, основанное на средневековом представлении о праве, когда право предполагало не одинаковость, а разность. Не равенство, а неравность. Когда право связано с тем, что я имею. Я имею право. А другой субъект имеет другое право. Или что-то отличное от моего права.

Этот тип отношений задан тем, что государство делает оферту и говорит: Если ты соглашаешься нести такие-то и такие-то повинности, то я беру тебя под свое покровительство на свою службу. Служба и покровительство очень сильно отличаются на самом деле, но, тем не менее, оферта делается таким образом. Соответственно человек, находящийся в этом функциональном месте, акцептирует эту оферту и тогда становится подданным. Разница в правах подданных определяется всякий раз тем местом, которое этот подданный занимает на службе государству. Если человек хочет изменить свои права, повысить свой правовой статус, он может сменить подданство. Например, послужив у курфюрста Нижней Саксонии в Ганновере некий барон приезжает в Санкт-Петербург, поступает на службу к русскому царю и тем самым меняет свой статус. Подданство же является инструментом смены статуса и соответствующих гарантий в отношениях между государством и подданным. Подданный служит. Служит либо своими силами, либо податями и т.д. Но важно следующее — разница между подданными определяется теми местами, которые они занимают в структуре государства.

Ситуация изменилась в результате американской революции, а в полной мере осознанно это было только после французской революции. Сначала изменилась декларация, предполагалось, что оферту делает человек. То есть, в соответствии с популярными тогда вариантами теории общественного договора, гражданин является началом государства. Само государство представляет собой общественный договор граждан. Соответственно граждане определяют государство (рис. 2). Несмотря на лозунги и декларации французской революции о равенстве и братстве, граждане по-прежнему не равны между собой. Но изменился ха-

актер неравенства, граждане равны в своем государстве, но граждане разных государств не равны между собой. То есть предполагается, что все граждане Французской республики, независимо от сословного происхождения, уравниваются по конституции. Но граждане Французской республики совершенно не равны гражданам Италии, например. Неравенство между гражданами определяется силой и мощностью государства. Сильное государство дает одни права гражданам, слабое государство таких прав гражданам гарантировать не может. Слабое государство не может защитить своих граждан ни перед лицом агрессии другого государства во внешней политике, ни от преступности, произвола и коррупции во внутренней.

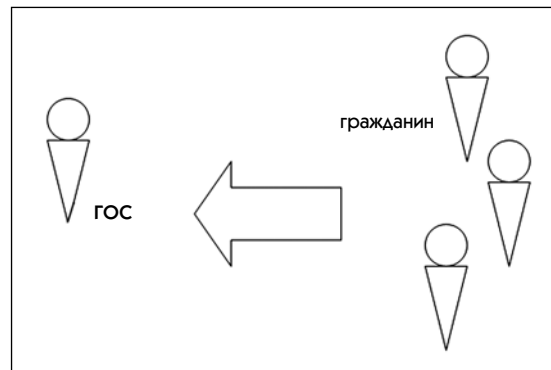

Рисунок 2. Отношения "государство — гражданин"

Совершенно новая ситуация возникает с появлением Евросоюза. Мое утверждение, я сейчас не буду его развивать и конкретизировать, состоит в том, что создание Евросоюза в Европе отменяет этот статус-кво, сложившийся между государством и гражданином и между гражданами разных государств в 19–20 веках. Быть европейцем означает иметь равные права независимо от гражданства того или иного национального государства. Это кардинальным образом меняет всю ситуацию в Европе. В этой связи закончить первый тезис можно таким образом: проблема Европы — это проблема европейской идентичности и идентичности гражданина национального государства: как стать европейцем, оставаясь поляком/итальянцем/французом/словаком и т.д.?

Второй тезис связан с понятием идентичности. Я делаю только маленькую ремарку, потому что тут много можно было говорить. Тем более что у нас есть специалисты по идентичности, которые диссертации защитили, но которые не пришли сейчас, но, тем не менее, на ОДИ они будут. Я не буду говорить обо всех аспектах, назову только один, который мне кажется принципиальным для нашей игры. Он состоит в следующем.

Понятно, что Европа и Беларусь как бы упакованы одна в другую, поэтому быть белорусом означает автоматически быть европейцем.

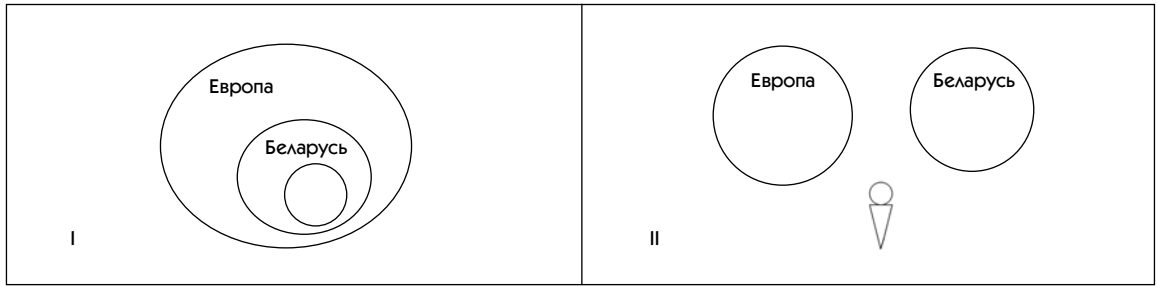

Рисунок 3. Логика “идентичности”

Такая формальная логика на кругах Эйлера предполагает разные уровни идентичности, которые упакованы одна в другую, как в матрешке. Например, я — минчанин, я — беларус, я — европеец. Я утверждаю, что это представление неправильно. Такого не бывает. Формальная логика, и отношения включения, изображенные на рисунке 3 кругами Эйлера, или матрешкой, не работает по отношению к идентичности. Идентичности всегда конфликтуют или комплексировуются друг с другом. Человек выбирает, быть ли ему беларусом или европейцем. Независимо от географии или включения, эти вещи имеют предельный характер. И только человеку дано определяться, быть ли ему советским человеком или беларусом. Некоторые люди в СССР, несмотря на то, что у них был советский паспорт, считали себя беларусами, и советскость для них была чем-то находящимся за пределами их собственной идентичности. У некоторых начинается когнитивный конфликт. У отдельных людей, не могу этого отрицать, может сложиться представление о своей идентичности, соответствующее формальной логике по Аристотелю. Но реальность такова, что именно люди всякий раз выбирают и самоопределяются. Быть европейцем — это не просто жить в Европе, это означает европейскую идентичность, самоопределяться как европейцу, определиться в евроскепсисе или в евроэнтузиазме. Или определиться в деятельности, в движении, в образовании или еще в чем-нибудь — это идентификация. И каждый человек производит эту идентификацию в той или иной логике и исходя из тех или иных представлений об идентичности.

Третий тезис касается Беларуси. Важно то, что европейская идентичность и беларусская идентичность находятся в процессе становления. Обе находятся практически на одном и том же этапе. То есть становление европейской и беларусской идентичностей началось для истории практически в одно и то же время. По своей завершенности они находятся примерно в одинаковом состоянии. Это может показаться странным, но, тем не менее, это так. В 80-е годы прошлого века Европа осознала, что Союз угля и стали — это больше, чем кооперация нескольких транснациональных корпораций по обеспечению Европы сырьем, и что есть некая новая историческая общность людей — европейцы. Примерно в это же время в Беларуси начинается новая волна Адраджэння. И в историческом смысле европейцы и беларусы младенцы.

Беларусы, как нация-феникс, возрождающаяся и затухающая, уже находились в такой ситуации после первой мировой войны. Когда советская идентичность и беларусская идентичность начинали складываться практически одновременно. Грузины, татары, чеченцы, попадая в процесс советской идентификации, должны были преодолевать в себе чеченскость, грузинскость, даже русскость и еврейскость, а беларусам этого не надо было делать. Они одновременно с советскостью начинали процесс беларусской самоидентификации. И поэтому были чемпионами. Им не надо было тратить силы на преодоление в себе другой идентичности. Они фактически на пустом месте (на месте отсутствия беларусской идентичности) вступали в новую историческую общность людей — советский народ.

Сейчас та же самая ситуация могла бы повториться с Европой, но беда в следующем. Есть в истории зигзаги. Когда апологеты советскости запускали эти самые процессы, они думали, что Советский Союз, как тысячелетний рейх — всерьез и надолго. И только проклюнулись ростки новой исторической общности людей с именем советский народ, как она вдруг исчезла. И беларусы остались идиотами: после развала большой страны, в которой они идентифицировались как сто процентные граждане, они сохранили эту идентичность, хотя страны уже не существует. Или она существует только в воображении тех, кто не может избавиться от утратившей смысл идентичности. С Европой тоже всякое может произойти. Но это не совсем такой процесс, как в Советском Союзе. Содержание этого процесса другое. Поэтому нам не важно сейчас, что беларусы могли бы или не могли бы быть чемпионами европейской идентичности. Важно, что процесс идет одновременно — надо одновременно становиться и беларусами, и европейцами. И тогда можно вернуться к тезису, что в конфликте разных идентичностей побеждает та, которая лучше обеспечена в концептуальном плане, образовательном, воспитательном, в плане PR и так далее. Хорошо построенные оферты идентичности человеком принимаются и осваиваются. Невнятные, плохо проговоренные, халтурно сделанные предложения отвергаются. Беларусы — конкретные люди. Рисунки и схемы — это виртуальные сущности, а человек, как бурбиданов осел, стоит между выбором — становиться ему европейцем или беларусом. Что выбирает типичный беларус, современный тутэйшы? Как правило, он выбирает быть славянином. Обратите внимание, все люди как люди — болгары, поляки, чехи, и

только одни белорусы — славяне. Именно потому, что не сформировано предложение белорусскости, белорусы выбирают более сформированное предложение. Для чехов есть отчетливая картинка чешскости, а славянство — это некая аморфность, мираж. Для белорусов то, что предлагается как белорусское, еще более бледное, контурное, чем славянское. Поэтому из двух предложений выбирается более четкое, пропи-санное и понятное.

И еще один тезис в связи с белорусскостью. Он заключается в следующем: если учесть еще и локальную идентичность, или идентификацию, то нужно сказать, что белорусы выживали и сохранялись от ассимиляции благодаря местечковой идентичности. Местечковость защищала белорусов от ассимиляции поляками, русскими. До поры до времени. Пока не предлагалось нечто более мощное, нечто более агрессивное в плане идентификации и идентичности. Поэтому по отношению к русским и полякам белорусская местечковость позволяет белорусам сохраняться. По отношению к таким транслокальным понятиям, как советскость или европейскость, местечковость уже не срабатывает. С европейскостью это становится еще более актуальным, потому что европейцы в построении единой Европы будут акцентировать локальные особенности, локальные различия, а национальные в меньшей степени бу-

дут учитывать, и более того, будут пытаться миновать этот уровень как промежуточный. Поэтому белорусскую идентичность сейчас ждет полная катастрофа, если мы начинаем ориентироваться на Европу. Оформление европейской идентичности идет через воспитательные тексты, фильмы, семиотическую среду и так далее. Это позволяет культивировать осознание себя как европейца и как местного аборигена. А промежуточные национальные составляющие будут не нужны для этой массивированной пропаганды. Тогда как белорусское гражданство, гражданственность требует как раз национального уровня. Литовцы и поляки значительно опередили в своей идентификации европейскую идентификацию. Идентичность литовская уже устоялась, а европейская только становится. И поэтому европейцы и литовцы могут вполне достичь совмещения идентичностей, тогда как у белорусов такого шанса в этой новой ситуации практически не остается.

Четвертый тезис касается гражданского образования. Гражданское образование (об этом я много раз говорил) базируется на понятии, представлении “гражданин”, в нашем случае — гражданин Беларуси (рис. 4). Я не смог фальсифицировать своего представления о гражданском образовании, описанном в “Педагогических этюдах об образовании” в разделе “Педагогика культуры”. Любое гражданское образование базиру-

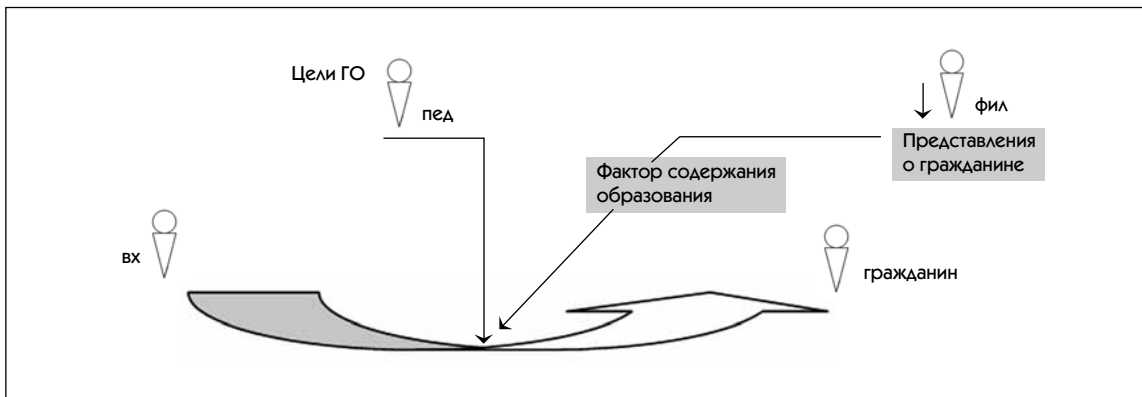

Рисунок 4. Схема гражданского образования

ется на этой педагогике, изменяется только содержание. Поэтому ГО в Беларуси направлено на формирование белорусской гражданственности. Преодоление тех проблем, которые я изложил в третьем тезисе, — это проблема построения гражданского образования в Беларуси, как формального, так и неформального.

Пятый тезис достаточно простой. Вопрос состоит в том, как содержание всего сказанного собрать вместе. Потому что строить гражданское образование надо учитывая проблематику, сформулированную в первом, втором, третьем и четвертом тезисах. Мы знаем метод сборки, знаем, потому что мы это делаем. А вот конфигурацию нам предстоит найти и построить. Собственно успех игры в Гёттингене будет определяться построением конфигуратора. В чем будет эффективность игры? В том, что мы найдем конфигурацию и не потеряем по дороге содержание ни одной из этих проблем.

Влад Величко (ОО “Образовательный центр «Пост»”): Означает ли тезис 4, что из задач гражданского образования исчезает все, что связано с европейскостью? Мне показалось, что это прозвучало однозначно.

Владимир Мацкевич: Да, это однозначно. Формально для Еврокомиссии по образованию содержанием гражданского образования является выращивание европейской идентичности, задачей белорусского Министерства образования — выращивание белорусской идентичности. Для того чтобы в этой ситуации равного старта не пожертвовать чем-то одним, мы должны сопоставить масштабы этих действий. Глобализация, влияние которой проявляется в СМИ, “тусовках”, — работает на европейскую идентичность. На белорусскую — ничего, кроме БНФ. При таком сопоставлении становится понятно, что белорусы опять попадают

в Евросоюз как в “совок”, поскольку своей идентичности нет. Беларусь отсутствует как концепт везде, в том числе в стандартах гражданского образования. Либо мы должны отказаться от белорусской идентификации, либо мы должны ее сделать более четкой, более построенной, чем европейская оферта. И именно это является задачей для гражданского образования, а не что-то другое.

Дмитрий Карпиевич (ОО “Образовательный центр «Пост»”, главный редактор журнала “Адукатар”): Меня интересует, где в предложенных четырех тезисах демократичность, присутствует ли она как содержание гражданского образования, как принцип?

Владимир Мацкевич: Демократичность присутствует везде, кроме первого тезиса. И в старой версии белорусской гражданственности ее тоже нет. Между тем существует мировая мода, и пытаться плыть против ее течения могут позволить себе только группы с очень высокой степенью сплоченности и сознания (мормоны, швейцарцы и т.п.). Если этого нет, надо принимать попутный ветер и плыть с ним. Проблемы Беларуси сейчас в том, что мы пытаемся плыть против ветра.

Светлана Мацкевич (Агентство гуманитарных технологий (АГТ)): Как концептуально соотносятся “гражданственность” и “идентичность”?

Владимир Мацкевич: Идентичность — это категория высокого уровня абстракции. Это может быть половая ориентация, гендерная идентичность и т.д. Это могут быть большие человеческие общности. Здесь мы говорим о европейцах и белорусах.

Влад Величко: Чем эта оферта, о которой Вы говорили в связи с Евросоюзом, принципиально поменяла отношения, чем она так уж принципиально отличается от имперского подхода к пониманию гражданственности (когда население больших территорий объединено не по национальному принципу, а по принципу принадлежности территории к имперскому государству)?

Владимир Мацкевич: В этом смысле Евросоюз не отличается от империи, если мы под ней понимаем образование, подобное первой Римской империи, базирующейся на таких вещах, как римское право, и представлениях древних римлян о мире. Но этого нельзя сказать о Советском Союзе или Османской империи.

Равенство — это идеал, а реальность предполагает неравенство и возможность для самоопределения человека. Оферта после французской революции предполагала следующее: все граждане равны и они обращаются к государству, чтобы обеспечить это равенство. Большое государство гарантирует большие права, маленькие государства гарантируют только те права, которые им позволяет гарантировать большое государство. Евросоюз отменяет это правило. Граждане Люксембурга и Германии имеют одни права. Сейчас Евросоюз уравнивает права и в экономической сфере (например, в вопросах о том, по каким правилам должен получать зарплату гражданин Латвии, работая в Британии).

Галина Веремейчик (МОО “Образование без границ”): Многие нации или этнические группы проскакивали в своем развитии какие-то этапы. Если смотреть на белорусов в возникшей ситуации конкуренции идентичностей, возникает вопрос: может, не стоит сопротивляться глобализации, пропаганде европейской идентичности?

Владимир Мацкевич: Так я же про это и говорю. Конечно, не стоит. Но весь фокус в том, что нужно не просто стать европейцами, но и остаться белорусами. Иначе повторится та же история, что с Советским Союзом.

Первый тезис нужно обязательно учитывать, когда мы будем говорить о четвертом. В XX веке сосуществовали подданные СССР и граждане Европы. Сейчас приходит время пересмотра этих отношений между государством и функциональным местом человека. Сейчас все это проблематизируется и наполняется новым смыслом во всем мире. Белорусы должны быть умнее и первыми этот шаг понять и описать. Через нахождение содержания гражданского образования.

Дмитрий Карпиевич: Мы говорим о трех уровнях гражданственности: локальный, национальный и третий, более высокий уровень. Почему он сводится у Вас к европейскости, когда уже после второй мировой войны он рассматривается значительно шире — как гражданин мира. Многие мировые институты работают на то, чтобы все граждане мира были равны в возможностях отстаивания своих прав. Ведь институт беженства развился только после войны. Если государство не может гарантировать своим гражданам безопасность, то мировое сообщество берет на себя эти функции. Есть и другие сильные игроки в мировом сообществе, кроме Евросоюза — США, например.

Владимир Мацкевич: Совершенно верно. Но дело в том, что этих уровней в матрешке идентичности может быть сколько угодно. Но это в принципе неправильная модель, потому что идентичности конкурируют друг с другом: космополитизм и национализм, например. После того как выбор осуществлен, все другие возможности теряют смысл. Я умею решать такие задачи, только разбивая все эти возможности на пары и выстраивая их отношения, и только потом обращаясь к третьим. Я не умею оперировать сразу тремя объектами, и не верю, что кто-то это может делать всерьез. Белорусы пытаются, и видно, что из этого получается.

Андрей Егоров (АГТ): Изменение понятия гражданства поменяло в XVIII веке и сущность государства. Для того чтобы национальное государство могло существовать, ему понадобился не простой акцептор, а акцептор в виде нации. Но сегодня проблематизируется и сам субъект, предлагающий оферту. Если раньше была очевидна связь демократического суверенного государства с нацией, то сейчас все эти вещи “поплыли”. Для Беларуси в меньшей степени, но ведь мы все равно находимся в контексте мировых процессов.

Владимир Мацкевич: От того что мы здесь в Беларуси не занимаемся мировыми вопросами, они не снимаются. Мы занимаемся местечковыми вопросами. А решать мировые вопросы, исходя из местечковых — глупо.

Юрий Царик (БГУ, студент): Евросоюз — это ответ на кризис взаимоотношений национального государства и Европы, или эти новые взаимоотношения были сами вызваны появлением ЕС?

Владимир Мацкевич: За что я не люблю ученых — что они хотят все сразу. Методология — это скорее инженерный подход. Мы выбираем понятие гражданского образования и решаем его. Беларусский национализм не связан с кризисом национального государства, это вопрос выживания. В столкновении идентичностей “европеец” и “беларус” беларусы проигрывают. Я же хочу, чтобы беларусы были всегда.

Юрий Царик: Вы говорили о том, что нужна более мощная оферта. Может ли “гражданин” быть основанием для построения содержания такой оферты?

Владимир Мацкевич: Хоть и нет гордости в том, что ты беларус, а не грузин, но гражданство без этого невозможно. Этому нужно учить с детства. Если мы этого не сделаем, то погубим эту общность. Пример с латышами хорошая тому иллюстрация: они занимали позицию “национализма” осознанно на некоторое время, потому что это было нужно в тот момент. У нас же все испугались. Не надо бояться, есть вещи, которые просто надо решать и двигаться дальше.

Андрей Егоров: В отношениях государства и гражданина подданного сейчас ситуация усложняется. Если в начале из набора первичных идентичностей (профессиональных, этнических, гендерных) формировалось то, что называется гражданином национального государства, и то, как он назывался (беларус, англичанин), то сейчас эта национальная принадлежность не является доминирующей в отношениях с таким субъектом, как государство. “Этнический француз” становится одним из наборов идентичностей, на верхний же уровень взаимоотношений с государством выходит не француз, а более широкая категория — гражданин.

Владимир Мацкевич: Но самой идентичности француз это не угрожает, здесь происходит изменение понятий о гражданственности.

Светлана Королева (БСМидОО “РАДА”): Мне не понятно, на чем основаны сомнения в наличии идентичности беларуса. Из реакции слушателей на примеры про французов в нашей дискуссии видно, что у людей есть четкая ассоциация со словом “француз”, сомнений в идентичности не возникает. Но у меня также возникают совершенно четкие ассоциации со словом “беларус”. В чем проблема с идентичностью?

Владимир Мацкевич: Вот сейчас часть беларусских студентов учатся в Польше по программе Калиновского. Сколько из них не вернется в Беларусь? Потеря части французов, которые, скажем, уехали на Цейлон, для Франции — ничто. Потеря беларуса для Беларуси важна, потому что беларус, уехавший в Москву, становится русским, беларус, уехавший в Польшу, становится поляком.

Влад Величко: Я не согласен со вторым тезисом. Когда Вы его представляли, прозвучало два разных отношения к нему — он неправильный, или он не работа-

ет? Я пытался прояснить это для себя, но пока ничего не вышло. Я ссылаюсь на четкую форму: европеизация как средство беларусизации. Для меня в свое время было определенным открытием, что если я не могу заниматься беларусизацией в лоб, на уровне снизу, то я могу его попробовать рассмотреть как нечто уже имплантированное в Европу. И я продолжаю это утверждать. Сейчас идет дискуссия по поводу набора ценностей, которые должны быть заложены в основу АГА. Что первично, что вторично — беларусскость или европейскость. Вы приводили пример в своем докладе, что, имея внутреннюю грузинскую идентичность, грузину легче было к ней вернуться после Советского Союза, чем конкурировать с разваливающейся советской идентичностью. Но для меня эта ситуация не абсолютна. В европейской идентичности достаточно места для идентичности беларуса.

Владимир Мацкевич: Я понимаю спорность этих вещей. Действительно, логика должна быть содержательной, и без наполнения она не работает. Я мог привести не достаточно точные примеры. На примере животного мира эта схема матрешки работает. Быть собакой означает быть млекопитающим, означает быть животным и т.д. Но с идентичностью это не работает. Идентичность не описывается матрешкой. Идентичность не является безусловной, естественного происхождения, атрибутикой человека. Здесь нет автоматических отношений включения.

Влад Величко: Я говорю о том, что отношения между идентичностями “европеец” и “беларус” могут быть организованы по-другому.

Владимир Мацкевич: Могут. Но я руководствуюсь двумя установками. Первая — мышление, вторая — Беларусь. Для меня каждый мыслящий человек должен самоопределяться. Беларусы находятся в конфликте: быть беларусами или не быть беларусами. На то, что это истина в последней инстанции, я не претендую. Я настаиваю только на своем принципе, ведь это не теологический спор.

Из этого следует масса практических последствий для людей. Мы знаем много примеров, когда “тутэйших” переписывали на национальности. Записывали несомоопределившегося человека. Даже Советы допускали выбор национальности, но, конечно, в определенных случаях (когда у родителей разная национальность). Формально к этой характеристике нельзя относиться, поскольку это характеристика не естественная.

Светлана Мацкевич: Вопрос по третьему тезису. Вы утверждаете, что еще не поздно сформировать беларусскую идентичность?

Владимир Мацкевич: Да, я утверждаю, что беларусы и европейцы как две разные развивающиеся идентичности находятся на одной стадии. Да, мы еще можем вписаться в процесс. Но это может быть опасно, потому что мы слабы.

Светлана Мацкевич: Какова должна быть мощность субъекта гражданского образования, который может сформулировать такую оферту беларусам?

Владимир Мацкевич: Во-первых, мы должны снять противоречия. Для этого надо вернуться к истории, вспомнить, как немцы XIX века обсуждали, являются ли немцы представителями западноевропейской цивилизации. Именно так возникают идентичности, через обсуждение, самоопределение. Мы должны точно понимать себя как европейскую нацию, тогда мы сможем оседлать формирование европейской идентичности, инкорпорировать ее в наше гражданское образование.

Светлана Мацкевич: Если не возникнет более мощного рефлексивного и умелого субъекта?

Владимир Мацкевич: Да, белорусский педагог должен обернуть всю мощь СМИ в пользу белорусизации.

Доклад Андрея Егорова

Гражданское образование можно представить на схеме образовательных технологий (схема акта деятельности) (рис. 4). Однако данная схема бессодержательна, безразлична к конкретной образовательной деятельности, т.е. в принципе не важно, кого обучают и кто образовывает, кто учитель, а кто ученик, нацистов мы воспитываем или строителей коммунизма, или белорусских граждан.

Содержание образования задается привнесенным извне фактором содержания ГО. ФСО кладется из пространства мышления. Этот фактор и называет места на технологической схеме. Ученик становится гражданином или подданным, учитель — мастером или педагогом, педагогическая технология — массовой или элитарной и т.п.

Вместе с тем сам фактор содержания образования и полная схема (акт Де + ФСО) не свободны от рамочных условий, в которых они заданы. Основные рамки — со-временность, Беларусь. В этих рамках элементы схемы “означиваются” не свободно, а определенным образом. Например, возникают контексты, определяющие, каким должен быть выход, итог гражданского образования в Беларуси, или какими должны быть её граждане. Контекст Беларуси требует выбора между “локальным патриотом”, “беларусом”, “европейцем”, “гражданином мира”.

Влад Величко: Можно ли уточнить, что подразумевается под фактором содержания образования? Был приведен пример в различиях государственного и неформального гражданского образования. Фактор содержания образования у них разный?

Владимир Мацкевич: Да. Недоучет в свое время в Конституции некоторых факторов как раз произошел из-за того, что они были упомянуты бессодержательно (флаг, герб, гимн). А вот какой именно флаг и герб — не написано. Это по умолчанию. И когда все голосовали за эту Конституцию, думали каждый о своем. Педагог в рамках педагогики культуры действует абсолютно одинаково: надо любить Родину. Но что такое Родина — это уже разное. А ребенок должен усвоить не методы, а то, какую именно Родину любить надо.

Влад Величко: Не согласен. Потому что, как ты учишь, имеет прямое отношение к тому, какую Родину нужно любить.

Владимир Мацкевич: Я разделяю бессодержательные и специальные техники. Но бессодержательные техники — без содержания ничто. Именно необходимость вынесения фактора содержания образования (ФСО) за пределы деятельностной ситуации педагога приводило к тому, что многие культуры делали ФСО сакральным, не обсуждаемым, священным. Тоталитарные системы XX века поступали точно так же. Никто не мог подвергнуть сомнению ФСО гитлеровской Германии или СССР. Но ФСО тоже кто-то сделал, он рукотворен. Педагогика вообще — это практическая философия. И ФСО творится за пределами педагогической деятельности.

Влад Величко: Меня не волнует, как он творится, меня волнует, как он вносится в педагогический процесс.

Владимир Мацкевич: Тебе непонятно, потому что в Беларуси этот канал не простроен, его нет. Или он простроен таким образом, что воспринимается как сакральный. Идиотизм педагогики сотрудничества заключается в том, что каждый педагог должен выдумывать, изобретать ФСО. Но ФСО должен вноситься извне — не может педагог-физик переоткрывать заново все законы. Если у нации нет доминирующих на данную эпоху философов, которых каждый педагог должен знать, даже если не осилил прочитать и боится в этом признаться, то у нации нет никакого ФСО, и любая система образования будет готовить граждан для других культур, стран.

Влад Величко: Это вызов также тем, кто творит в ФСО и остается невидимым. Что-то в этой схеме не работает.

Андрей Егоров: Мы понимаем проблему как столкновение взаимно противоречивых знаний об одном и том же. В Беларуси основной проблемой сейчас является противоречие в понимании гражданина (в понимании государственного образования и в понимании неформального образования). Проблематизируется однозначность того, что появляется на выходе гражданского образования.

Владимир Мацкевич: Когда ты кладешь в первую строчку Беларусь и там два разных гражданина, то я говорю, что в любой уважающей себя нации должна быть идентичность. Беларусь должен был быть в Российской империи, в Советском Союзе, Европе и т.д. Если мы не находим этого общего, мы не можем задать контекстуальное содержание белорусскости.

Андрей Егоров: Выход в системе образования в СССР предполагал заранее готовый ответ, у него появился однозначный статус и место в социальной структуре. Сейчас такого не наблюдается.

Владимир Мацкевич: Вот появляется человек на майдане. Он откуда-то пришел — скажем, из БГУ, или из Белорусского Коллегиума. И в этой ситуации для БГУ — это брак формального образования, а для Коллегиума (неформального) — успех. В Советском союзе тоже

был брак гражданского образования. К концу 80-х годов вся комсомольская и пионерская организация давали брак. Потому что никто из них не защищал завоевания Советского Союза.

Дмитрий Карпиевич: Я вижу следующие проблемы идентификации белорусов: советский белорус и несоветский белорус — это тактический уровень. И есть два мощных магнита: европейская и российская идентичность — это стратегический уровень. Теми же средствами, которые использовали раньше, например, литовцы для формирования национальной идентичности, мы сейчас действовать не можем. Демократия для наших людей — это абстракция, и лобовые атаки ни к чему здесь не приводят.

Владимир Мацкевич: мне очень симпатичен взгляд, что нельзя ту же работу, которую сделали в XIX веке, сделать в XXI теми же средствами. Некоторые вещи нужно делать вовремя. Сейчас мы нигде не можем заимствовать технологию для нас. Никто не делал нации в XXI веке. Как нам делать то, что никто не знает, как делать? И тогда перед нами появляется следующая задача — понять, что нам надо делать, сформировать ФСО.

Дмитрий Карпиевич: Гражданское образование здесь важный фактор, но не единственный. Независимые средства массовой информации могут играть важную роль.

Владимир Мацкевич: И зависимые тоже: например 70% белорусской музыки на радиостанции — это сильное решение.

Светлана Мацкевич: Подведу итоги. Круглые столы — это попытка включиться в общую коммуникацию и начать собирать общий, коллективный субъект гражданского образования. Это сложная долговременная работа, для которой потребуется целая серия коммуникативных площадок. Поэтому ожидать результата прямо здесь и сейчас не приходится. Мы можем только констатировать промежуточные результаты: зафиксировано проблемное поле ГО в Беларуси и предъявлены те основные направления проектов, которые уже действуют в Беларуси.

Татьяна Пошевцова: На одной из встреч, где белорусские НГО обсуждали проблемы гражданского образования, наша датская коллега изложила замечательную мысль: “Наблюдая за вашей коммуникацией, я вижу, что вы решаете ту задачу, которую мы решили 100 лет назад. Но вам никуда не деться, эту задачу решать все равно придется”. Но дело в том, что сам Грюндтвиг, который поднял и озвучил эти проблемы, не создал ни одной народной школы. Прошло 30 лет, пока не появились менеджеры, которые стали народные школы продвигать.

Светлана Мацкевич: Наша задача — начать, запустить этот процесс и сделать его необратимым.

Подготовила Светлана Мацкевич.

Расшифровка и стенограмма текста —
Инна Жизневская, Наталья Рябова.

кніжная палічка

Республиканское общественное объединение “Белорусский Хельсинский Комитет” (БХК) — независимое, неполитическое, некоммерческое общественное объединение, действительный член Международной Хельсинской Федерации, которая имеет консультативный статус при ООН, Совете Европы и ОБСЕ. Главная цель БХК — защита в Беларуси прав человека, гарантированных Конституцией, а также декларированных Хельсинскими соглашениями и иными международными договорами.

Важным направлением правозащитной деятельности является пропаганда международных документов о правах человека, опыта других стран в защите и реализации прав человека, распространение информации о правах и способах их защиты. В 2006 году БХК инициировал издание публикаций, объединенных рамками серии брошюр “Знай свои права”, авторы которых надеются, что они будут полезны каждому, кто готов защищать свои права и права других людей.

Одиноченко В.А. Право на свободу совести в Беларуси / Минск: Тесей, 2006. — 20 с. (Знай свои права).

В брошюре рассматриваются вопросы одного из фундаментальных прав человека — права на свободу совести, его законодательного обеспечения в Республике Беларусь. Даются рекомендации в образовательной, религиозной, законодательной сферах с целью последовательного соблюдения свободы совести в Беларуси.

Автор подчеркивает, что в отличие от наших соседей, России и Польши, на территории Беларуси ни одна из религий никогда не была безусловно господствующей и всегда существовал баланс между представителями различных конфессий. Наглядным примером традиционной для нашей страны веротерпимости является то, что в центре многих белорусских городов рядом стояли православная церковь, католический костел и синагога. Это необходимо учитывать как при анализе современной религиозной ситуации в стране, так и в перспективе. Должно осуществляться последовательное проведение принципа свободы совести как для приверженцев той или иной религии, так и для людей неверующих или атеистов. Всякие попытки со стороны власти монополизации в пользу той или иной религиозной группы будут иметь негативные последствия и приведут к дестабилизации конфессиональной ситуации в стране.

Издание предназначено специалистам, правоведам, педагогам, студентам, а также широкому кругу читателей.

